Слово «идиот» стало широко известно русскому человеку благодаря популярному одноимённому роману Фёдора Михайловича Достоевского. Писатель придаёт этому слову метафорическое значение. Нельзя сказать, что князь Мышкин страдает глубокой умственной отсталостью. Напротив, он умеет тонко мыслить и чувствовать. Он наивен и как бы не от мира сего, но читатель понимает, что во многом князь чище и мудрее окружающих его «полноценных» людей.

Достоевский показательно сталкивает главного героя — князя Льва Николаевича Мышкина, человека совершенно неземной нравственной чистоты,— с «изнанкой» — распутным, безудержным Парфёном Рогожиным, содержанкой Настасьей Филипповной, шутом Фердыщенко, бесконечно низким Лебедевым, другими в общем обычными людьми (Епанчиными, Иволгиными), неизбежно погружёнными в мутный поток петербургской жизни,— и из этих столкновений извлекает сверкающий бриллиант смысла: НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЭТОМ МУТНОМ ПОТОКЕ, ВО-ПЕРВЫХ, НЕОТЛИЧИМО СМАХИВАЕТ НА ИДИОТА, А ЕСЛИ УПОРСТВУЕТ В НРАВСТВЕННЫХ «ЗАБЛУЖДЕНИЯХ», ТО НЕИЗБЕЖНО СТАНОВИТСЯ КЛИНИЧЕСКИМ ИДИОТОМ.

Вот и мы, далёкие от большой политики, пишущие, думающие и рассуждающие, в чём-то очень похожие на этого самого признанного обществом «идиотом» князя Мышкина, описанного Достоевским, сталкиваемся всё с теми же проблемами общества.

Ну разве нормальный человек станет писать книги, которые сегодня мало кем читаются, издавать их на скудные средства из собственных сбережений? Книги, которые к тому же невозможно продать, да и негде выставить для реализации. Не буду говорить за других, но и сам становлюсь этим самым «идиотом», который пишет газетные статьи и даже не замечает или старается не замечать, что их не читают, а порой и усмехаются вокруг.

Скажем, в публикации «Не перевелись ещё „чудики“ на Руси» попытался рассказать о писателе Анатолии Ефимовиче Зябреве. Его «Слепое окно. Заметки каждого дня» — это остроумные, порой ехидные, а порой кажущиеся совсем бесхитростными, но всё равно задевающие за живое отклики писателя на текущие события, происходящие во многих сферах жизни

края, а то и страны, мира. Зябрев в этих заметках иронизирует, задаётся вопросами по поводу животрепещущих тем и предлагает найти на них ответы как самим читателям, так и облечённым властными полномочиями чиновникам.

Читаются заметки писателя трудно. Что не заметка, то удар по совести «нечистоплотных». А поскольку таковых у нас предостаточно, то и откликов на заметки маловато. Его заметки действительно таковы, что видит и замечает писатель многое. Вот цитата из его заметки «Иду посёлком»: «В пустых дворах за изгородями догнивают, как и в прошлом году, пустые хлева, их не чинят и не ломают на дрова, должно, откладывают собственники это дело на другое время. Огорчает то, что умножилось число пустых, брошенных огородов. А у тех огородов, которые ещё не брошены, доля не веселее — они урезаны вдвое, втрое».

Может, и Зябрева кто-то уже за прямоту суждений и заметок так же, как князя Мышкина, считает «идиотом».

С недавнего времени я пишу или просто пытаюсь писать о знакомых мне писателях и друзьях, даже написал книгу «О стихах и о друзьях».

Есть, как уже кто-то и заметил, газетные публикации со звучными названиями и не менее злободневными темами.

Вот и публикация «Мой друг — писатель» о творчестве Виталия Пшеничникова, который так умело описал жизнь людей нашего времени в книге «Река жизни». Читаешь — и порою кажется, что написано про тебя и твоих родителей. Ведь именно в это время довелось жить и мне, моим сверстникам.

А публикация «Философские размышления. Читая Достоевского, Кузичкина и многих-многих других...» сама собой заставляет размышлять.

Более опытные писатели даже усомнились в том, что статья написана мной лично. А ведь я читаю «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского.

В предыдущей публикации уже приводил цитату из романа Достоевского «Идиот» о либералах и их сущности, продолжу далее, добавив к этому свои рассуждения после публикации очередной цитаты:

«...Факт, наблюдение и даже открытие которого я имею честь приписывать себе, и даже одному себе; по крайней мере, об этом не было ещё нигде сказано или написано. В факте этом выражается вся сущность русского либерализма того рода, о котором я говорю. Во-первых, что же и есть либерализм, если говорить вообще, как не нападение (разумное или ошибочное, это другой вопрос) на

существующие порядки вещей? Ведь так? Ну, так факт мой состоит в том, что русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошёл до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьёт свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нём смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё. Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм (о, вы часто встретите у нас либерала, которому аплодируют остальные и который, может быть, в сущности самый нелепый, самый тупой и опасный консерватор, и сам не знает того!). Эту ненависть к России, ещё не так давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь к отечеству и хвалились тем, что видят лучше других, в чём она должна состоять; но теперь уже стали откровеннее и даже слова „любовь к отечеству" стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили, как вредное и ничтожное. Факт этот верный, я стою за это и... надобно же было высказать когда-нибудь правду вполне, просто и откровенно; но факт этот в то же время и такой, которого нигде и никогда, спокон веку и ни в одном народе, не бывало и не случалось, а стало быть, факт этот случайный и может пройти, я согласен. Такого не может быть либерала нигде, который бы самоё отечество своё ненавидел. Чем же это всё объяснить у нас? Тем самым, что и прежде,— тем, что русский либерал есть покамест ещё не русский либерал».

Вот так о либералах писал Достоевский, подчёркивая при том, что они, либералы, готовы служить своему западному хозяину и даже чистить сапоги, при этом не скрывая и всячески оправдывая свою зависимость от власти денежного мешка, готовые подражать во всех, даже самых низменных, чувствах и намерениях своих хозяев.

Но, а иначе как же можно понять нас, русских, отрицающих всё исконно русское накопленное и воспитанное в нас прошлыми поколениями наших дедов и отцов.

Песни слушаем иностранные, не вникая даже в смысловой текст, в содержание, татуировки наносим, не вникая даже в их значение или художественность, самые модные джинсы — рвань, даже с дырками на причинном месте. Причёски невесть какие — говорят, модно. Читать и размышлять совсем ни к чему. А зачем? Было бы лишь «бабло», «бухло» и баб полно... Деньги учатся не зарабатывать, а делать, причём чем больше, тем лучше, и неважно как, при этом не особо утруждаясь...

Да и игры наши русские совсем забыты — такие, как лапта, в которую играли и взрослые, и дети вечерами и по выходным на улицах и во дворах, или городки, ничем не хуже той же игры в гольф. Не стало во дворах и игроков в домино или русское лото, шашки, шахматы. Редко уже гоняют во дворах футбол и шайбу. Дети всё больше увлечены компьютерными играми — «стрелялки», ловля «покемонов», да и взрослые мужики увлеклись танковыми боями в компах...

А почему бы не организовать игровые площадки для игры в городки или лапту, другие русские игры, забавы? Думается, с удовольствием их будут посещать семьями и участвовать многие. Ведь хотят произвести реконструкцию на острове Татышев мест отдыха горожан.

Но как в культуре, так и в литературе всегда хочется надеяться на лучшее.

А они-то прежде всего основываются на осознании истории развития всего того, что прежде всего связано с национальным менталитетом, в данном случае — русским духом, что так непонятен нашим врагам. Как у Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»

А где же сегодня эта Русь и русский дух?.. В чём, как и кем он отображается?.. Конечно, вне всякого сомнения, наш русский дух прежде всего идёт от литературы, искусства и культуры... Стоит ли это доказывать? Может, лучше почитать «Собачье сердце», «Мастер и Маргариту» Михаила Булгакова, замечательные книги Михаила Зощенко, «Двенадцать стульев», «Золотого телёнка» И. Ильфа и Е. Петрова или Виктора Астафьева «Прозу войны», «Царь-рыбу» и ещё очень много достойных, хороших книг.

И всюду прежде всего чувствуется наш «русский дух», наша «философия надежды», «философия любви»...

Вот и у Сергея Кузичкина расписаны «Философия Надежды», «Философия Любви», которые я отмечал в своей публикации «Философские размышления...» и в которых отчётливо проявляются эти самые и Надежда, и Любовь, стремление ко всему лучшему...

А совсем недавно Сергей Кузичкин был награждён дипломом лауреата премии имени Сергея Михалкова «Лучшая книга — 2016» за его книгу «Позывные Мерцаны».

«Известно, что любой рассказ писателя, любое его стихотворение — это авторская биография, авторский монолог и, конечно, проявление авторской души. Без этого нет писателя. Величина души определяет величину масштабности произведения... Читая произведения С. Кузичкина, начинаешь понимать,

что в его лице ты обретаешь друга. Этот человек может быть твоим другом. И неудивительно, что Сергей смог создать такой альманах, как „Новый Енисейский литератор“, редактирует его вот уже десять лет, и его всегда окружает много друзей, и он находит интересных, как и он сам, людей»,— так о нём написала литературный критик, кандидат филологических наук Раиса Сакова в предисловии к другой его книге — «Мир из окна».

Да и я ведь не случайно осмелился выразить своё мнение в газетных публикациях, которые, заведомо знаю, прочли немногие, а при желании можно найти и прочесть в Интернете. И ведь пишу, хочу писать и, конечно же, буду писать. Видимо, и я всё больше убеждаюсь в этом, пишущие люди больны страстью писать — они просто не могут уже не писать. Да я и сам писать начал ещё в далёкой юности, долгое время не писал вообще (более двадцати лет) и вот вновь пишу. А зачем, к чему? Не могу объяснить и даже понять.

И вот вновь, совсем недавно, одна из статей — «Есть ли будущее у меценатов в России?» Конечно же, так, наверное, и не смог выяснить это в полном понятном объёме, как и выразить своё мнение и возникающую боль в этом вопросе. Так кто же я? Может, действительно «идиот», как это сумел описать Достоевский? А таковых, уверен, в России найдётся ещё немало.

Так что если кому-то и вздумается обозвать или назвать меня просто идиотом — я, пожалуй, и обидеться не сумею, да и не вправе этого уже сделать...